

ТРИСТА КИЛОМЕТРОВ НА ВОСТОК

трибуны! Зрители вплотную придвинулись к эстраде, заполнили всю площадку, которая отделяет сцену от передних

Н ЫНЕСНИМ летом Свердловский драматический театр побывал на гастролях у тружеников Белоарского, Богдановичского, Пышминского, Камышловского, Талицкого, Буткинского районов области. Театр подготовил для этой поездки три спектакля — «Кремлевские куранты» Погодина, «Потерянный сын» Арбузова и «Верю в тебя» Коростелева.

Надолго запомнится и театру и зрителям эта поездка. Но особенно часто она вспоминается именно сегодня, когда весь советский народ приветствует принятую XXII сессией партии великую Программу строительства коммунизма. Каждая из проходивших встреч — это живая иллюстрация взволнованных, идущих от самого сердца слов, записанных в Программе партии об искусстве. Это свидетельство огромного эмоционального воздействия искусства на людей.

Сегодня мы расскажем о некоторых встречах, событиях, которыми была так богата эта поездка. Полностью рассказ о ней будет опубликован в одном из номеров журнала «Урал».

1. Даешь «радукинскую» погоду!

Да, ее так и называли — «радукинская». Если светило солнце, не было ветра и температура воздуха, по утверждению метеосводки, колебалась между двадцатью — двадцатью пятью градусами тепла, значит, погода была именно такой, какая необходима для работы театра, его директору — Евгению Павловичу Радукину.

А в то утро прогнозы не предвещали ничего хорошего. Правда, ночной ливень немного утихомирился, но небо оставалось хмурым. Дороги размякли, запылились грязью, и по ним нельзя ни пройти, ни проехать. А в 12 часов дня на лесной открытой площадке должен был начаться спектакль...

Быть или не быть спектаклю? Об этом с раннего утра идет разговор в Богдановичском городском комитете партии. Первый секретарь горкома Иван Петрович Ганьковский (уже в который раз!) повторяет то, что волнует всех:

— Придется оставить только ве-

черные спектакли. Дневной из-за плохой погоды отменить...

Иван Петрович вызывает по телефону председателя самого крупного колхоза в районе Петра Ивановича Грибова, но разговор с ним только подтверждает его собственные сомнения. Все зависит от погоды.

— Вот что, товарищи, придется все-таки не проводить, — снова говорит секретарь горкома. Но вместо того, чтобы закрыть совещание, он подходит к окнам. За ним поднимаются другие. И — как нарочно! — небо светлеет. Асфальт на улице покрывается светлыми плешинами — подсыхает. Только солнце пока еще далеко упрятано за толстыми ватниками облаков.

Звонит телефон. Теперь уже Петру Ивановичу Грибову спектакль не дает покоя.

— Так будет или нет? — тревожится Грибов. — Понимаешь, у меня бригады с зонтиками идти собираются. А что? На футбол же ходят!

— Ладно! — говорит Иван Петрович, — будем проводить.

Да, хмурое небо не в силах было помешать в этот день празднику. Не пугаясь редкой, слабеющей уже пелены дождя, зрители зашагали к месту спектакля. Удивительно красиво здесь, всего в нескольких километрах от города, на берегу Кунары.

К двум часам уже не десятки, а сотни зрителей размещаются на косогоре. И, наконец-то, уступив их непреклонности, дождь не решается больше омрачать праздник. Сначала робко, но вот все шире, теплее начинает улыбаться солнце. Дышит паром сохнувшая земля. Отряхивается отмытая до блеска зелень.

Погода все-таки становится «радукинской»!

2. Вопреки градусам Цельсия

В рабочем поселке Пышма зрители приветствуют перед спектаклем заслуженный артист республики Борис Захарович Молчанов. Артист заканчивает выступление шуткой:

— Когда известный английский писатель увидел, как в тридцатигра-

дусный мороз на улицах Москвы люди ели мороженое, он воскликнул: «Народ, который на это способен, победить невозможно!». Перефразируя эти слова, мне тоже хочется сказать: если вы пришли к нам сегодня, несмотря на тридцатиградусную жару, мы по праву можем считать вас истинными ценителями искусства...

Жара в этот день действительно стояла невыносимая. Солнце изжарило всю. Разомлев, поползла кверху ртутная дорожка на градуснике. Даже в тени она перекочевала за тридцать.

На косогоре перед сценой раскрылись сложенные из газет треуголки, запестрели платки и соломенные шляпы, укрывая головы от палящих лучей. Никто в течение трех с половиной часов не покинул своего места. Сила любви к прекрасному удерживала людей на солнцепеке. Так было на спектакле.

А вот так было до него.

...Быстро, энергично, весело шагает группа мужчин. Временами они замедляют шаги, вероятно, вспоминая о том, что их спутнице все-таки не очень удобно соразмерять свою дробную женскую походку с их размашистой, крупной. А может быть, это разговор сбивает их с ровного шага, живой разговор, когда не очень хочется торопиться.

И правда. Идущие ведут речь о спектакле. У Бориса Афанасьевича Коновалова, электросварщика Пышминского механического завода, сегодня смена началась вместо обычных 8 в 5 часов утра. Перенесли по общему желанию на 3 часа пораньше. Все собрались в театр.

— А нам дали отгул, — сообщает Константин Васильевич Бродовиков. Он учетчик тракторной бригады опытно-показательного хозяйства. — За полдня туда-сюда не обернешься, а посмотреть хочется...

И разговор опять возвращается к тому, с чего он и начинался, — к спектаклю.

Впрочем, о нем говорили все. Пускай это продолжалось недолго, всего несколько часов, но на эти часы жизнь поселка сосредоточилась около пропеченного солнцем косогора, у сцены. Пышминцы оказались полными любителями искусства.

3. «Он смотрел спектакль...»

Сухой Лог. Свернув, наконец, с неровной распушенной дорожки, театральный автобус направляется мимо новых многоэтажных домов на городской стадион. Здесь будут показаны сухоложцам «Кремлевские куранты».

В пять часов вечера главный режиссер театра Вениамин Семенович Битюцкий выходит приветствовать публику и не узнает недавно еще пустующие ряды. На трибунах нет ни одного свободного места. Да что

рядов.

Более шести тысяч сухоложцев с цементного и шиферного заводов, со «Вторцветмета» и пригородных совхозов пришли сюда, чтобы посмотреть «Кремлевские куранты». Какой театр у себя на стадионе может похвастаться такой цифрой!

Раздвигается занавес, и стадион разом замирает. Тишина. Иногда ее будоражит смех, разбивают всплески аплодисментов, короткие возгласы гнева или восхищения. Но это та чуткая, настороженная, внимательная тишина, в которой каждое слово получает свой живой отклик.

— Как слушают! Как здесь принимают! — поражается Алексей Дмитриевич Березкин и опять повторяет: — Нет, вы подумайте, как слушают!

Заканчивается спектакль. Зрители приходят в «кулисы», благодарят.

Мальчик лет семи восторженными глазами смотрит на Михаила Иванова, только что сыгравшего роль матроса Рыбакова, и, наконец, решает:

— Дядя, это вы были моряк?

Артисты уже в автобусе, прощаются с гостеприимным стадионом. Но мальчику, как видно, не хочется расставаться с полюбоившимся ему моряком. Он бежит за машиной, кричит что-то, машет рукой.

— Остановите машину! — просит Михаил Иванов. — Дайте, я поговорю с ним.

Он выпрыгивает из автобуса, подходит к мальчику, пожимает ему руку:

— До свидания, малыш!

Возвратившись в машину, артист взволнованно просит блокнот.

«Он смотрел спектакль Свердловской драмы, Сельский мальчик — лет пяти-шести.

И, конечно, не спросившись мамы, Он решил к артисту подойти.

— Вы — моряк! — сказал ребенок твердо,

С затаенным в сердце огоньком, Я ж подумал ласково и гордо:

«Этот мальчик будет моряком».

— пишет Михаил Иванов. Пишет стихи, неожиданно родившиеся в незнакомом городе...

И. ПЕШКОВА.